

Регулярная часть расположена к северу от усадебного дома. Парадная подъездная дорога совпадает с главной продольной композиционно-планировочной осью ансамбля, симметрично которой выстроены элементы регулярной планировки. Парадный двор был восстановлен в начале 2000-х гг. Долгое время на его месте располагался сквер. В настоящее время Парадный двор представляет собой открытое пространство, с разъездным кругом и цветниками. С ним контрастирует тенистый парк, квадратный в плане, с восьмилучевой планировкой аллеи. Верхний парк был восстановлен в 1950-е гг. Это обстоятельство даёт возможность активно использовать регулярную часть в выставочной работе. В Верхнем парке на протяжении нескольких лет проходят фотовыставки. Одна из них — «Взглянув через много-много лет...» — представляла старые карабахские фотографии с воспоминаниями и пояснениями о жизни в Карабихе. Фотовыставки из цикла «Экомир Карабихи» отразили разнообразие растительного и животного мира усадебных парков: посетителям были показаны первоцветы и цветы Карабихи, птицы, бабочки, насекомые. На территории парка организуются выставки современных фотографов («Ключи от счастья женского», фото клуб «Выше крыши») и художников (А. Хвастунова). Эта часть усадьбы активно используется для мероприятий с большим количеством посетителей, например, во время Всероссийского дня поэзии, в День музеев, а также во время культурно-образовательных программ.

Парадная часть усадьбы (партер) также служит расширению экспозиционно-выставочного пространства. В клумбах высаживаются растения, которые использовались в России в XIX — начале XX вв. Нами планируется установить для посетителей информацию о парадном дворе, на клумбах поставить таблички с названиями цветочных культур.

В настоящее время архитектурный ансамбль, некоторые постройки, территория усадьбы «Карабиха» уже являются музейными объектами, но музеефикации требуют отдельные компоненты усадьбы и усадебной территории. Музеефикация является столь же важным направлением музейной деятельности, как фондовая, экспозиционная, культурно-образовательная деятельность.

А. С. Бодрова
(Санкт-Петербург)

ЛЕРМОНТОВ И «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ» В НЕКРАСОВСКОМ «СОВРЕМЕННОМ» (1847–1855)

Важной заслугой Н. А. Некрасова как автора и редактора «Современника» в конце 1840 — начале 1850-х гг. стало возвращение высокого литературного статуса поэзии после «прозаической эпохи» середины 1840-х гг. Хорошо известны вклад Некрасова в становление литературной репутации Ф. И. Тютчева и А. А. Фета, участие «Современника» в возвращении читательского внимания к поэзии Д. В. Веневитинова (последняя статья из цикла «Русские второстепенные поэты»), Е. А. Баратынского (публикация И. С. Тургеневым подборки «XV стихотворений Е. А. Баратынского», 1854). На этом фоне интересно проследить судьбу наследия ещё одного крупнейшего поэта — М. Ю. Лермонтова — в различных публикациях «Современника» в начальный период редакторства Некрасова.

В укреплении поэтического авторитета Лермонтова главенствующую роль, безусловно, сыграли «Отечественные записки» — благодаря А. А. Краевскому и В. Г. Белинскому, важнейшим пропагандистам лермонтовского творчества в 1840-е гг. Однако во второй половине 1840 — начале 1850-х гг. этот «монопотизм» уходит в прошлое, публикации новых текстов Лермонтова появляются в других изданиях («Вчера и сегодня», «Раут», «Москвитянин»; в 1853–1855 гг. — в «Современнике»), а обсуждение места Лермонтова в литературном пантеоне и актуальности «лермонтовской традиции» в современной литературе становятся важными для самоопределения многих изданий, в том числе и «Современника».

В докладе я предполагаю сосредоточиться на анализе различных «лермонтовских» публикаций в журнале Некрасова на фоне литературной полемики конца 1840 — 1850-х гг. За-

дача доклада — реконструкция редакционной позиции в целом, учитывающая публикации ряда сотрудников (помимо Некрасова, это прежде всего И. И. Панаев, А. В. Дружинин, М. Н. Лонгинов) в самых разных разделах журнала. Обращение к разноплановому материалу (критические статьи, заметки, библиографические публикации, стихотворные пародии) позволит как чётче реконструировать литературную стратегию редакции в полемике о «лермонтовском направлении» и месте Лермонтова в литературном пантеоне, так и точнее описать вклад некрасовского «Современника» в формирование «лермонтовского канона».

А. В. Вдовин
(Москва)

ПРОРОКИ, УРОДЦЫ, ПЬЯНИЦЫ: КРЕСТЬЯНЕ В РОМАНЕ НЕКРАСОВА «ТОНКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В докладе будет рассмотрен незаконченный роман Н. А. Некрасова «Тонкий человек» (1855) как жанровый эксперимент (см., например, работы Г. А. Шпилевой) по скрещению русской и европейской романной традиций в стереоскопичном изображении низших слоёв населения (крестьян). Повествователь в романе несколько раз указывает на то, что его путешествие подобно странствиям Дагобера (героя романа Эжена Сю «Вечный жид») и путевой прозе Жюль Дюмон-Дюрвиля. Если вторая параллель придаёт путешествию Грачова экзотический колорит (оно уподобляется открытию новых земель с крестьянами-туземцами), то сопоставление с романом Сю позволяет по-новому взглянуть на галерею крестьянских образов в «Тонком человеке». Дело в том, что в «Вечном жиде» Сю, увлечённый в 1840-е гг. идея-

ми Жана Батиста Фурье, Фелисите Робера де Ламенне и Пьера Леру, в форме нравоописательного и авантюрно-бытового романа предлагает концептуальное (социалистически ангажированное) изображение пролетариата. Можно предположить, что жанровая модель и особенно идеология романа Сю могли быть заимствованы и переосмыслены Некрасовым. Его роман генетически не исчерпывается гоголевской и соллогубовской традицией и явно содержит узнаваемые черты французского фельетонного романа в изводе Сю.

Заменяя пролетариев на крестьян, Некрасов пытался создать актуальный для 1854–1855 гг. текст, предлагающий панорамный срез крестьянской жизни в момент наибольшей популярности рассказов из простонародного быта. Очевидно, что Некрасов искал средства ответить на злободневный жанр и решился на эксперимент — скрещение очерковой традиции с авантюрно-нравоописательным романом. До него о крестьянах в сходном модусе писали лишь М. В. Авдеев и Д. В. Григорович, эксплуатируя фигуру столичного образованного и не лишённого фатовства рассказчика, сентиментально созерцающего крестьянский быт. В отличие от них, в романе Некрасова путешествующие друзья встречают и наблюдают галерею самых разных крестьянских типов: мудреца и почти пророка Потанина, пьяницу Григория, уродов и калек в финальной деревенской сцене. Грачов и компания рассуждают о свойствах крестьянского характера, центральным из которых оказывается «патриархальность» (отсылающая к дискуссии 1847–1848 гг. об общинном быте). Можно предположить, что такая стереоскопичность взгляда на крестьян (и идеальные образы, и негативные) и была целью Некрасова. Жанровый эксперимент позволял её реализовать, однако роман остался незаконченным. Некрасов бросил его, возможно, потому, что жанровая модель на фоне крестьянской прозы 1850-х годов смотрелась архаично. В 1860-е гг. поэт вернулся к этому замыслу уже в стихотворной форме («Кому на Руси жить хорошо»), заменив героев-протагонистов на крестьян, авантурный колорит — на фольклорный.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК Н. А. НЕКРАСОВА «КАРАБИХА»

НЕКРАСОВ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Материалы научной конференции
(Ярославль, 2–3 июля 2015 года)

Ярославль
Издательское бюро «ВНД»
2015